

Марина НЕЁЛОВА

О ролях Марины Неёловой в театре, кино, на телевидении «Литературная газета» писала много раз. Мы впервые встретились с ней около двух лет тому назад, чтобы сделать беседу для «ЛГ». Рассказывала она интересно, конечно — темпераментно, и ясно было — что она любит, чего ждёт и что отрицает в искусстве. Марина Неёлова и здесь была требовательна: мы переписывали текст несколько раз, спорили, что-то отсекли, что-то прибавляли... Потом, когда беседа уже была опубликована, находили друг друга для разных дел: для статей, для спектаклей. Поэтому, надеюсь, читатели простят это интервью на «ты».

Л. ПОЛЬСКАЯ,
корр. «ЛГ»

— Марина, что бы ты хотела сделать в наступившем году?

— Творческие планы?

— Не обязательно планы. Что-то ведь остается за пределами конкретных предложений.

— Творческая заявка самой себе? Тогда это пожелание такой драматургии, такой пьесы, которая позволила бы мне сделать качественный скачок, потому что в последнее время меня преследует мысль, что я использую то, что давно в себе знаю, и другие это знают; а у меня есть

внутренние запасы, которые я не хочу хранить в себе, а пока у меня ощущение «низкого потолка», не потому что я такая талантливая, каких свет и сцена не видывали, а потому, что чувствую — могу еще чуть-чуть лучше, вот только пусть найдется пьеса, сложная, сверхсложная по актерской технике, по психологическим перипетиям, по эмоциям, и я наконец попробую себя в том, в чем никогда не пробовала.

— А если не получится? Другие, быть может, и не заметят, но сама же поймешь, что — мимо, что — провал...

— Можно и «шлепнуться», риск оправдан, но не могу я больше перебивать одно и то же, это ни к чему, это неинтересно, изменить хочется все: походку, мимику, голос...

— Но не можешь же ты изменить весь свой облик: и внешнее, и внутреннее...

— А я и не собираюсь вообще отказываться от себя, меняться до неузнаваемости, тем более что это в принципе и нереально, мне хотелось бы увидеть себя качественно иной, я не хочу осуществлять «бег на месте», хочется сделать забег на марафонскую дистанцию...

— ...к финишу оказавшись «выжатым лимоном»...

— Но зато сколько успеешь пробежать, пока выдохнешься; а к чему выдыхаться, стоя на месте? Наверное, чудом мне стали в последнее время говорить, что я постоянно использую одно и то же свойство, сижу в одном амплу, все героини если не истеричны, то...

— ...живут «в повышенном градусе» — твое же выражение.

— Да, именно так.

— Но вот в телеспектакле В. Фокина «Между небом и землей», где ты играла вместе с А. Мироновым, подобного не было. Я, например, считаю, что роль Мики — со-

всем иная чем все другие, близкая, быть может, к тому, о чем ты мечтаешь.

— Похоже, но все же не то: роль слишком проста, я все в ней понимала, она слишком близка мне, — быть может, то, что я ищу, действительно, будет найдено на этом пути, но мне не хочется «легкой игры», хочется, чтобы было очень трудно, чтобы роль была построена на том, что мне незнакомо — во мне самой. Это не значит, что я рвусь вперед, уверенная в том, что уже сыгранное — безупречно.

— Мне кажется, ты слишком категорична. Нельзя отрицать того, что уже сделано, чего ты сумела добиться, тем более что...

— Стоп! Сейчас ты скажешь: «У тебя все еще впереди, Марина, ты еще молодая актриса!» Но я уже, к сожалению, хоть и молодая женщина, но не молодая актриса, которой можно прощать ляпсусы, повторы, оживая, что пройдет еще сколько-то лет и все будет прекрасно. Я много играю в театре, интереснейшие роли играю, не отрицаю и не жалею, не жду чуда: вот начнется новый год, и вдруг — как с неба — свалится замечательная пьеса или найдется тот самый кинорежиссер, а пока, простите, я на перепутье, не судите строго. Быть может, у меня слишком высокие требования, но я не хочу, чтобы следующий год был таким же, как прошедший, не хочу оставаться на одном и том же уровне.

— Но нашла ли ты пьесу, которая могла бы поднять этот уровень?

— Недавно я прочла пьесу Жана Жироду «Ундина», это замечательная по своей простоте сказка, притча, романтическая в самом высоком смысле слова. Может быть, я

уже играла нечто подобное, но такого — не было, и я поняла: вот что я хочу сыграть, это и есть то самое, и если не выйдет, не сыграю, то умрут во мне какие-то живые клетки, и что-то пропадет навсегда...

— Быть может, это реализуется не в театре: кино, телевидение — тоже шанс для актера.

— Вся надежда на театр, на тех режиссеров, с которыми я работаю уже пять лет, — Галину Волчек и Валерию Фокина, с ними — получается, с ними — легко и трудно, той самой прекрасной трудностью, о которой я говорила.

Я стала замечать вдруг, как быстро идет время, что каждая секунда, каждый час, они истекают с неизменной скоростью, а надо так много уметь, многому научиться, надо успеть — и нельзя суевериться, потому что суевер убивает мысль, путает, толкает на быстрые решения, которые оказываются в конце концов неверными; хочется спрессовать время, искать, искать, работать без перерывов, не останавливаясь...

— Так вот откуда твоя не любовь к точкам в тексте?

— Наверное. А можно обойтись без точек, поставить, например, вопросительный знак и многоточие!..

Валерий ФОКИН,
режиссер театра
«Современник»:

Такое высказывание актрисы достойно уважения и, собственно, подтверждает то, что я знал раньше о Марине Неёловой. Находясь в «звездном кругу», она отрицает саму мысль о «тиражировании» своих данных и истинно этим мучается [в искренности ее слов я не сомневаюсь]. Когда уже достигнут определенный — и высокий — профессиональный уровень, прекрасно само сознание, что необходим «качественный скачок». Сейчас мне бы очень хотелось поработать с Мариной Неёловой вновь — и потому, что за последнее время актриса приобрела много нового, и потому, что есть в ней готовность идти дальше.

Марина НЕЁЛОВА

О ролях Марины Неёловой в театре, кино, на телевидении «Литературная газета» писала много раз. Мы впервые встретились с ней около двух лет тому назад, чтобы сделать беседу для «ЛГ». Рассказывала она интересно, конечно — темпераментно, и ясно было — что она любит, чего ждет и что отрицает в искусстве. Марина Неёлова и здесь была требовательна: мы переписывали текст несколько раз, спорили, что-то отсекали, что-то прибавляли... Потом, когда беседа уже была опубликована, находили друг друга для разных дел: для статей, для спектаклей. Поэтому, надеюсь, читатели простят это интервью на «ты».

Л. ПОЛЬСКАЯ,
корр. «ЛГ»

— Марина, что бы ты хотела сделать в наступившем году?

— Творческие планы?

— Не обязательно планы. Что-то ведь остается за пределами конкретных предложений.

— Творческая заявка самой себе? Тогда это пожелание такой драматургии, такой пьесы, которая позволила бы мне сделать качественный скачок, потому что в последнее время меня преследует мысль, что я использую то, что давно в себе знаю, и другие это знают; а у меня есть

внутренние запасы, которые я не хочу хранить в себе, а пока у меня ощущение «низкого потолка», не потому что я такая талантливая, каких свет и сцена не видывали, а потому, что чувствую — могу еще чуть-чуть лучше, вот только пусть найдется пьеса, сложная, сверхсложная по актерской технике, по психологическим перипетиям, по эмоциям, и я наконец попробую себя в том, в чем никогда не пробовала.

— А если не получится? Другие, быть может, и не заметят, но сама же поймешь, что — мимо, что — провал...

— Можно и «шлепнуться», риск оправдан, но не могу я больше перебивать одно и то же, это ни к чему, это неинтересно, изменить хочется все: походку, мимику, голос...
— Но не можешь же ты изменить весь свой облик: и внешнее, и внутреннее...

— А я и не собираюсь вообще отказываться от себя, меняться до неузнаваемости, тем более что это в принципе и нереально, мне хотелось бы увидеть себя качественно иной, я не хочу осуществлять «бег на месте», хочется сделать забег на марафонскую дистанцию...

— ...к финишу оказавшись «выжатый лимоном»...

— Но зато сколько успеешь пробежать, пока выдохнешься; а к чему выдыхаться, стоя на месте? Наверное, недаром мне стали в последнее время говорить, что я постоянно использую одно и то же свойство, сижу в одном амплуа, все героини если не истеричны, то...

— ...живут «в повышенном градусе» — твое же выражение.

— Да, именно так.

— Но вот в телеспектакле В. Фокина «Между небом и землей», где ты играла вместе с А. Мироновым, подобного не было. Я, например, считаю, что роль Мики — со-

всем иным чем все другие, близкая, быть может, к тому, о чем ты мечтаешь.

— Похоже, но все же не то: роль слишком проста, я все в ней понимала, она слишком близка мне, — быть может, то, что я ищу, действительно, будет найдено на этом пути, но мне не хочется «легкой игры», хочется, чтобы было очень трудно, чтобы роль была построена на том, что мне незнакомо — во мне самой. Это не значит, что я рвусь вперед, уверенная в том, что уже сыгранное — безупречно.

— Мне кажется, ты слишком категорична. Нельзя отрицать того, что уже сделано, чего ты сумела добиться, тем более что...

— Стоп! Сейчас ты скажешь: «У тебя все еще впереди, Марина, ты еще молодая актриса!» Но я уже, к сожалению, хоть и молодая женщина, но не молодая актриса, которой можно прощать ляпы, повторы, оживая, что пройдет еще сколько-то лет и все будет прекрасно. Я много играю в театре, интереснейшие роли играю, не отрицаю и не жалею, не жду чуда: вот начнется новый год, и вдруг — как с неба — свалится замечательная пьеса или найдется тот самый кинорежиссер, а пока, простите, я на перепутье, не судите строго. Быть может, у меня слишком высокие требования, но я не хочу, чтобы следующий год был таким же, как прошедший, не хочу оставаться на одном и том же уровне.

— Но наша ли ты пьеса, которая могла бы поднять этот уровень?

— Недавно я прочла пьесу Жана Жироду «Ундина», это замечательная по своей простоте сказка, притча, романтическая в самом высоком смысле слова. Может быть, я

уже играла нечто подобное, но такого — не было, и я поняла: вот что я хочу сыграть, это и есть то самое, и если не выйдет, не сыграю, то умрут во мне какие-то живые клетки, и что-то пропадет навсегда... Вот что жалко: навсегда...

— Быть может, это реализуется не в театре: кино, телевидение — тоже шанс для актера.

— Бся надежда на театр, на тех режиссеров, с которыми я работаю уже пять лет, — Галину Болчек и Валерию Фокина, с ними — получается, с ними — легко и трудно, той самой прекрасной трудностью, о которой я говорила.

Я стала замечать вдруг, как быстро идет время, что каждая секунда, каждый час, они истекают с неизменной скоростью, а надо так много уметь, многому научиться, надо успеть — и нельзя спешиться, потому что спеша убивает мысль, путает, толкает на быстрые решения, которые оказываются в конце концов неверными; хочется спрессовать время, искать, работать без перерывов, не останавливаясь...

— Так вот откуда твоя любовь к точкам в тексте?

— Наверное. А можно обойтись без точек, поставить, например, вопросительный знак и многоточие?..

Валерий ФОКИН,

режиссер театра
«Современник»:

Такое высказывание актрисы достойно уважения и, собственно, подтверждает то, что я знал раньше о Марине Неёловой. Находясь в «звездном кругу», она отрицает саму мысль о «тиражировании» своих данных и истинно этим мучается [в искренности ее слов я не сомневаюсь]. Когда уже достигнут определенный — и высокий — профессиональный уровень, прекрасно само сознание, что необходим «качественный скачок». Сейчас мне бы хотелось поработать с Марией Неёловой вновь — и потому, что за последнее время актриса приобрела много нового, и потому, что есть в готовности идти дальше.